

На правах рукописи

Шустилова Татьяна Антоновна

**ПРОБЛЕМА СУДЬБЫ И ВОЛИ В ДРАМАТУРГИИ У. ШЕКСПИРА
(«РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА», «МАКБЕТ», «БУРЯ»)**

Специальность 10.01.03 –
литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литература)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2017

Работа выполнена на кафедре истории зарубежной литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор

Горбунов Андрей Николаевич

Официальные оппоненты:

Чернозёмова Елена Николаевна

доктор филологических наук, профессор

Московский педагогический государственный университет

профессор кафедры всемирной литературы

Макаров Владимир Сергеевич

кандидат филологических наук

Православный Свято-Тихоновский

гуманитарный университет

доцент кафедры германской филологии

Ведущая организация:

Институт мировой литературы имени

А. М. Горького Российской Академии Наук

Защита состоится «16» февраля 2017 г. в ___ ч. ___ мин. на заседании диссертационного совета Д 501.001.25 при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова по адресу: ГСП-1, 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ им. М. В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МГУ имени М. В. Ломоносова и на сайте филологического факультета www.philol.msu.ru

Автореферат разослан « ___ » _____ 2017 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета, доцент



А. В. Сергеев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая работа посвящена проблеме судьбы и воли в драматургии У. Шекспира, в первую очередь в трёх его пьесах – трагедиях «Ромео и Джульетта» и «Макбет», а также в поздней трагикомедии «Буря».

Пьесы Шекспира полны рассуждений героев о том, какие силы определяют судьбу человека, рода, государства, всего мироздания, способен ли человек сам повлиять на ход событий своими решениями и действиями, свободен ли он в своем выборе, может ли стать хозяином своей судьбы или, напротив, вынужден подчиниться некой высшей силе – благой, жестокой или вовсе безразличной к нему. Герои Шекспира высказывают множество предположений о том, имеет ли последовательность земных событий смысл и цель, или же она лишь бессмысленная «сказка в устах глупца» (*Macbeth*, V.5.26-27)¹, подчинена ли жизнь прихотям «распутницы» Фортуны (*King Lear*, II.4.50) и ритму ее вращающегося колеса, воле жестоких богов, для которых люди – что мухи для детей (*King Lear*, IV.1.36-37), неумолимому Року², неотвратимому влиянию звезд и действию установленных в мире законов или воле любящего Бога, без чьего ведома и волос не упадет с головы человека (*Мф.* 10:30, *The Tempest*, I.2.30-31, I.2.217).

Использование драматургом слов, отсылающих к разным, зачастую взаимоисключающим концепциям судьбы и воли, сосуществование в произведениях несовместимых интерпретаций событий и противоречащих друг другу суждений по этому вопросу – все это свидетельствует о том, что соотношение судьбы и человеческой воли проблематизируется Шекспиром в его творчестве. В попытках персонажей интерпретировать происходящие с ними события с точки зрения их причин и целей находит отражение едва ли не весь спектр современных Шекспиру концепций судьбы и воли, каждой из которых соответствуют свои механизмы осмысления действительности, свои

¹ Пер. С. М. Соловьева.

² Под словом «Рок», написанном с *прописной* буквы, в нашей работе подразумевается активная сила, формирующая, согласно *мифологическим представлениям античности*, судьбу всего сущего.

разновидности «языка судьбы»³. Сосуществование и взаимодействие различных концепций в рамках отдельно взятого произведения способствовало вовлечению современников Шекспира как «носителей» этого «языка» в процесс интерпретации разворачивающихся на сцене событий с точки зрения их причин и целей, выбору между разными способами их осмысления и стоящими за ними разными системами представлений о ключевых вопросах бытия.

Таким образом, **актуальность темы** настоящего диссертационного исследования определяется, в первую очередь, концептуальной значимостью проблемы судьбы и воли для самого драматурга. Кроме того, она обусловлена языковой и мировоззренческой дистанцией, отделяющей современного зрителя и читателя от шекспировского времени и делающей необходимым исследовать «язык судьбы» эпохи с присущей этому языку системой оппозиций, со всей связанной с ним совокупностью основных ассоциаций, образов, представлений и механизмов осмысления действительности.

Актуальность данной темы была осознана многими литературоведами и критиками. Существует немалое количество статей, посвященных рассмотрению отдельных аспектов проблемы – философско-религиозных⁴, исторических, лингвистических⁵, театроведческих и собственно литературоведческих, а также отдельных представлений – о Роке⁶, Фортуне⁷, Провидении⁸, звездах⁹ – в творчестве Шекспира. Однако, сосредотачиваясь на отдельных составляющих

3 Данный термин используется в статье Н. Д. Арутюновой «Истина и судьба»: Арутюнова Н. Д. Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 310. Под «языком судьбы» Шекспира мы подразумеваем совокупность определенным образом структурированных лексических единиц, метафор, прецедентных феноменов, регулярно воспроизводимых в произведениях драматурга и служащих выражению различных представлений о судьбе и воле.

4 См., напр., Cannon, Charles K. "As in a Theater": Hamlet in the Light of Calvin's Doctrine of Predestination // Studies in English Literature, 1500-1900, Vol. 11, No. 2, Elizabethan and Jacobean Drama (Spring, 1971). Houston: Rice University Press, 1971. Pp. 203- 222.

5 См., напр., Кокунова Ю. В. Наименования судьбы в произведениях У. Шекспира: опыт системного анализа: диссертация... кандидата филологических наук: 10.02.04. Иваново, 2001.

6 См., напр., Шах-Азизова Т.К. Линия Гамлета, или герой драмы перед лицом Рока // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 268-277.

7 См., напр., Kiefer, Frederick. Fortune and Occasion in Shakespeare: Richard II, Julius Caesar, and Hamlet // Fortune and Elizabethan Tragedy. San Marino, Calif.: The Huntington Library, 1983. Pp. 232-269.

8 См., напр., Hunt, Maurice. Malvolio, Viola, and the Question of Instrumentality: Defining Providence in "Twelfth Night" // Studies in Philology, Vol. 90, No. 3 (Summer, 1993). Chapel Hill: University of North Carolina Press. Pp. 277-297.

9 См., напр., Sondheim, Moriz. Shakespeare and the Astrology of His Time // Journal of the Warburg Institute, Vol. 2, No. 3 (Jan., 1939). Pp. 243-259.

этой темы, исследователь рискует упустить из виду то, что, на наш взгляд, является особенно важным и недостаточно изученным, – взаимодействие, «диалог»¹⁰ разных представлений о судьбе и воле в рамках одного произведения и в контексте всего творчества Шекспира, отражение этого «диалога» (а порой – ожесточенного спора) в значении и коннотациях слов с семантикой судьбы, в композиции сюжета, системе персонажей, идейной структуре пьес. Отсутствие должного внимания к этим вопросам в работах, посвященных проблеме судьбы и воли в пьесах Шекспира, свидетельствует о недостаточной степени **разработанности** данной темы.

Научная новизна настоящей работы определяется, во-первых, рассмотрением вышеупомянутых аспектов проблемы в их тесной взаимосвязи, а во-вторых, попыткой выявить структуру, которую образуют представления о судьбе в творчестве Шекспира, и определить характер их взаимодействия в рамках отдельных пьес драматурга. Такой подход к исследованию вопроса позволяет учесть одновременно культурно-исторический контекст, лингвистические особенности «языка судьбы» шекспировской эпохи, совокупность элементов каждого из исследуемых произведений, связанных с постановкой и решением проблемы судьбы и воли и разными способами ее осмысления.

Цели настоящего исследования – описать структуру, которую образуют актуализированные в творчестве Шекспира представления о судьбе и воле; исследовать особенности «языка судьбы» в пьесах драматурга; рассмотреть разные способы взаимодействия противоречащих друг другу концепций судьбы и воли в рамках каждого из трех анализируемых произведений («Ромео и Джульетта», «Макбет», «Буря»).

Перечисленные цели определяют следующие **задачи**:

¹⁰ Данный термин используется здесь в том смысле, который в него вкладывает М. М. Бахтин в своих литературоведческих работах (Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929).

- охарактеризовать общие особенности представлений о судьбе и способов их выражения в английском языке эпохи Возрождения с учетом формирования и модификаций этих представлений в исторической перспективе;
- очертить круг основных вопросов, которые ставятся в тексте шекспировских пьес в связи с рассматриваемой проблемой, и способов их решения;
- выявить в каждой из трех пьес наиболее значимые в концептуальном отношении высказывания, содержащие представления о судьбе и воле, определить природу этих представлений, проанализировать значение слов с семантикой судьбы, использованных в данных высказываниях;
- определить, какие аспекты проблемы судьбы и воли и каким образом систематически актуализируются в каждом из анализируемых произведений, с учетом использованных в них сквозных мотивов и образов, прецедентных феноменов, системы персонажей, композиции сюжета;
- соотнести доминирующие в произведении представления о соотношении судьбы и воли с его жанровыми характеристиками.

В силу многозначности слов «судьба» и «воля» кратко определим, в каких значениях они используются в данной работе. На основе анализа словарных дефиниций русского слова «судьба»¹¹ и его английских эквивалентов – “fortune”, “fate” и “destiny”¹² – были выявлены основные группы значений, общие для всех четырех слов и связанные между собой устойчивыми отношениями в обоих языках. Исходя из этого, под словом «судьба» мы подразумеваем:

- сверхъестественную силу, определяющую ход событий на земле (С₁);
- последовательность жизненных событий, прошлых или будущих, рассмотренных в их совокупности и исторической перспективе (С₂);
- участь, долю, итог жизни (С₃).

11 Толковый словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935-1940; Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; РАН. М.: Азъ, 1992; Малый академический словарь / Ред.: А. П. Евгеньева, М., 1957-1960 (АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981-1984.)

12 Oxford English Dictionary on CD-ROM, 2nd ed. Vers.4.0. [Электронный ресурс] Oxford: Oxford University Press, 2009.

Одновременное рассмотрение в работе всех трех групп смыслов, связанных с тремя разными значениями слова «судьба», обусловлено тем, что все они соотносятся с разными аспектами некоего целостного представления, составляющего основу мировоззрения человека: представления об активной силе, определяющей ход жизненных событий, о последовательности этих событий и об их конечном итоге неотделимы друг от друга и связаны устойчивыми отношениями в рамках каждого отдельно взятого образа мира.

Что касается слова «воля», то на основании аналогичного анализа словарных дефиниций были выявлены следующие основные значения, которые мы и имеем в виду при использовании данного слова и его английского эквивалента ('will') в настоящей работе:

- желание, стремление, намерение человека (B_1);
- способность человека к совершению осознанного выбора и осуществлению поставленных целей, в том числе вопреки своим потребностям и сиюминутным стремлениям (B_2).

В отличие от значений слова «судьба», отношения между двумя приведенными значениями слова «воля» не столь прозрачны и универсальны. Соотношение стремлений человека (B_1) и его способности или неспособности к свободному выбору (B_2) само по себе осмысливается современниками Шекспира как проблема, особенно в свете разногласий между католиками и протестантами¹³. Выявление специфики этих отношений в рамках различных мировоззрений, отраженных в творчестве драматурга, также входит в задачи настоящей работы.

На основании вышеизложенного, говоря о «проблеме судьбы и воли» в данной работе, мы имеем в виду целую совокупность отдельных, но вместе с тем взаимосвязанных проблем. Слово «проблема» используется нами при этом в широком смысле – по отношению к ситуации, содержащей в себе некое противоречие¹⁴, независимо от того, осмысливается ли это противоречие при

13 Schwindt, John. Luther's Paradoxes and Shakespeare's God: The Emergence of the Absurd in Sixteenth-Century Literature // *Modern Language Studies*, Vol. 15, No. 4, Fifteenth Anniversary Issue (Autumn, 1985). Pp. 4-12.

14 Большой энциклопедический словарь: [А – Я] / Гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1997.

ближайшем рассмотрении как реальное или иллюзорное, временное или неразрешимое. Исходя из этого, проблема судьбы и воли в произведениях Шекспира включает в себя в первую очередь следующие частные проблемы:

- несовпадение воли героя (V_1) и того, что субъективно воспринимается как «воля судьбы» (C_1);
- логическая несовместимость представлений о детерминированности человеческой судьбы (C_2, C_3) и предвидении (как способности высших сил) с представлением о способности человека к самостоятельному выбору (V_2);
- противоречие между разными взглядами на соотношение судьбы (C_1, C_2 и C_3) и воли (V_1, V_2), сосуществовавшими в современной Шекспиру культуре; а также между подчас взаимоисключающими интерпретациями, которые получает одно и то же событие или явление в свете разных систем представлений.

Первостепенное значение имеет для нас третья из перечисленных проблем, так как именно в связи с ней мы можем поставить собственно литературоведческую проблему интерпретации шекспировских пьес. Однако ее глубокое рассмотрение невозможно без учета двух предшествующих ей вопросов философского характера и тех ответов, которые предлагались в рамках отраженных в творчестве Шекспира систем представлений.

Предметом настоящего исследования является, таким образом, совокупность интерпретаций, которые получают события шекспировских пьес и запечатленные в них явления действительности в свете различных концепций судьбы и воли, эксплицитно и имплицитно выраженных в творчестве драматурга.

Выбор **объекта** и **основного материала** исследования обоснован несколькими соображениями. Во-первых, мы ставили своей целью выявить универсальные особенности, присущие всему творчеству Шекспира, и потому для подробного анализа были выбраны пьесы, принадлежащие к разным периодам творчества драматурга. Во-вторых, было решено уделить большее внимание трагедиям, так как именно в трагедии несовпадение воли (V_1) человека и «воли судьбы (C_1)» (какие бы силы ни подразумевались под этой метафорой) является

предметом напряженного осмысления на протяжении всей истории драматургии¹⁵. Исходя из этих двух критериев, в качестве основного объекта и материала исследования были выбраны пьесы «Ромео и Джульетта», «Макбет» и «Буря». Недостаток внимания к шекспировским произведениям, принадлежащим к другим жанрам и родам литературы, отчасти компенсируется в работе за счет приведенного в ней анализа отдельных фрагментов некоторых комедий, хроник и «проблемных пьес» автора. Частично рассмотрены в диссертации и некоторые трагедии Шекспира, не упомянутые в ее названии.

Теоретическая значимость работы определяется в первую очередь тем, что в ней выявляются особенности шекспировского «языка судьбы», систематизируются и сопоставляются актуальные для творчества драматурга концепции судьбы и воли, рассматриваются способы их отражения и взаимодействия в отдельных пьесах. Кроме того, в диссертации предложен оригинальный подход, который может быть применен при анализе других произведений Шекспира, а в несколько измененном виде – и произведений других представителей его эпохи. Наконец, в работе намечены возможные направления дальнейшего исследования, включая анализ характерных особенностей театральных жанров в связи с доминирующими или сосуществующими в ту или иную эпоху представлениями о судьбе и воле.

Практическая значимость исследования заключается прежде всего в возможности использования его материалов и результатов в общих и специализированных курсах по истории зарубежной литературы. Они могут быть полезны и для лингвистов, лексикографов, переводчиков, так как включают наблюдения и выводы относительно структуры концептов судьбы и воли в языке шекспировской эпохи и особенностей их репрезентации. Кроме того, содержащиеся в работе материалы могут быть использованы режиссерами при работе над сценической или кинематографической интерпретацией шекспировских пьес, в особенности трех, указанных в названии диссертации.

15 Шелогурова Г. Н. Хор ratio в "Гамлете": античная трагедия героя Возрождения / Г. Н. Шелогурова, И. В. Пешков // Новое литературное обозрение, 94 (6/2008). М.: НЛЮ, 2008. С. 61-84.

В работе используется синтетический исследовательский подход, включающий в себя историко-литературный и типологический подходы, системно-структурный и сравнительно-сопоставительный методы, а также методы «пристального чтения» и семантико-когнитивного анализа концепта. В качестве теоретической и **методологической основы** выбраны работы по исследованию понятия судьбы в контексте разных культур и философских систем (С.С. Аверинцев, А. Я. Гуревич, В. Г. Гак, А. Ф. Лосев, и др.)¹⁶, по проблемам структурной и когнитивной лингвистики (Е. Ельмслев¹⁷, З. Д. Попова, И. А. Стернин¹⁸ и др.), проблеме полифонизма и диалогизма в литературном произведении (М. М. Бахтин, Д. М. Смит¹⁹).

Основные положения, выносимые на защиту:

- 1) Взгляды шекспировских героев на силы, управляющие их жизнью, как правило, вписываются в одну из трех концепций судьбы – провиденциалистскую, фаталистическую (мифологический, рационалистический или теологический фатализм) или концепцию, ассоциирующуюся у современников драматурга с учением Никколо Макиавелли. Главный критерий их разграничения – сущность сил, определяющих судьбу, а также характер их соотношения с человеческой волей и природным миром.
- 2) Представления о судьбе и воле, актуализированные в творчестве Шекспира, образуют определенную структуру. Различные суждения и связанные с ними языковые средства, прецедентные феномены, мотивы группируются на основе их соотнесенности:
 - с одной из трех концепций судьбы и воли;
 - с одним из трех представлений: о естественной или сверхъестественной силе, определяющей судьбу (С₁), о последовательности событий, частично

16 Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994.

17 Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике, вып. II. М., 1963.

18 Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ, Восток-Запад, 2007.

19 Смит адаптирует идеи М. М. Бахтина к теории драмы: Smith, David M. The Polyphonic Shakespeare: Bakhtin and the Problem of Drama. PhD Dissertation. University of Denver, 1998.

или полностью обусловленных этой силой (C_2), о конечном итоге этих событий (C_3).

3) Из лексических средств, участвующих в выражении представлений о судьбе, лишь немногие ('Providence', 'Fates' в значении «Парки») ассоциируются исключительно с одной из трех рассмотренных в работе систем представлений. Что касается наиболее частотных лексических единиц с семантикой судьбы – 'fortune', 'fate', 'destiny', а также слов со значением «случайность», «случай» ('chance', 'accident', 'occasion'), прямых и метафорических упоминаний о языческих богах и о христианском Боге ('gods', 'Jove', 'God', 'Lord', 'Heaven(s)'), о звездах, то в разных контекстах они могут отсылать к противоположным мировоззренческим системам.

4) Особую роль в постановке и решении проблемы судьбы и воли в пьесах Шекспира играет использование прецедентных имен, высказываний, ситуаций различного происхождения, в первую очередь античного и библейского.

5) В то время как в творчестве многих современников Шекспира имеет место эклектическое соединение логически несовместимых представлений о судьбе и воле, в произведениях самого драматурга противоречащие друг другу взгляды и способы осмысления событий отчетливым образом сталкиваются, как в эксплицитной, так и в имплицитной форме, в том числе благодаря особенностям композиционной организации произведений. Сосуществование в рамках одной пьесы взаимоисключающих трактовок событий способствует вовлечению зрителя и читателя в активный процесс интерпретации происходящего на сцене и за ее пределами в аспекте причины, смысла, цели.

6) Личностные качества и особенности поведения шекспировских героев во многом предопределяются характером их представлений о судьбе и воле. Сама приверженность той или иной системе взглядов осмысливается, таким образом, как существенный фактор судьбы.

7) В пьесах Шекспира (особенно в трагедиях и трагикомедиях) существует глубинная взаимосвязь между доминирующими в них представлениями о судьбе и воле и жанровыми характеристиками произведений.

Апробация основных положений диссертации была проведена в форме докладов на международных научных конференциях и круглых столах:

- XIX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2012», секция «Филология» (МГУ, 9-13 апреля 2012 г.);
- XX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2013», секция «Филология» (МГУ, 8-13 апреля 2013 г.);
- XXI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2014», секция «Филология» (МГУ, 7-11 апреля 2014 г.);
- Международная научная конференция ИИУ МГОУ «Формирование культурной и языковой компетентности в процессе изучения иностранного языка. Интернет и изучение иностранного языка» (ИИУ МГОУ, 26-27 сентября 2014 г.);
- Международная научная конференция «XXV Шекспировские чтения 2014: Шекспир в русско-английском культурном диалоге» (Москва, 14-18 сентября, 2016 г.);
- Межфакультетский круглый стол «Дискурс – пространство междисциплинарного исследования: зависимость концептов и прецедентных имен от дискурсивной формы» (МГУ, 24 марта 2016 г.).

Структура и объем диссертации: диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографии, насчитывающей 223 наименований. Общий объем работы составляет 238 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** представлены обоснования актуальности и новизны исследования, обозначены его цели и задачи, даются определения ключевым

понятиям, использованным в диссертации, оценивается степень изученности вопроса, научная и практическая значимость работы.

В **Главе I** («Теория и методология проблемы судьбы и воли в пьесах Шекспира») определяются теоретические и методологические основания исследования.

В **Разделе 1.1** («Обзор научной литературы по теме. Основные направления исследования и выводы») излагаются основные взгляды на проблему и методы ее исследования, представленные в научной литературе по теме работы. Среди методов выделяются те, которые являются, на наш взгляд, наиболее эффективными и которые широко применяются и в настоящей диссертации.

В **Разделе 1.2** («Контексты рассуждений шекспировских героев о судьбе и воле. Систематизация вопросов, возникающих в связи с данной проблемой») характеризуются общие особенности представлений о судьбе и воле и способы их отражения в английском языке эпохи Возрождения с учетом их формирования и модификаций в исторической перспективе.

В **Разделе 1.3** («Рассуждения о судьбе в контексте философско-теологических диспутов эпохи Возрождения») очерчивается круг разновидностей высказываний (молитва, проклятие, пророчество и т.п.) и действий (самоубийство и т.п.), отражающих те или иные представления о судьбе и воле и, следовательно, требующих наиболее пристального внимания при анализе отдельных пьес.

В **Главе II** диссертации («Структура представлений о судьбе и воле и «язык судьбы» в пьесах Шекспира») рассматриваются основные типы соотношения судьбы и воли в философских и религиозных учениях, сосуществовавших в английской культуре эпохи Возрождения, а также исследуются способы их отражения в шекспировских пьесах – в отдельных лексических единицах, регулярно воспроизводимых образах, мотивах, прецедентных феноменах. При этом используются в основном фрагменты произведений драматурга, не упомянутых в названии диссертации («Двенадцатая ночь», «Гамлет», «Король Лир», «Конец – делу венец» и др.).

В Разделе 2.1 («Концепция провиденциализма и характер ее отражения в пьесах Шекспира») систематизируются актуализируемые в творчестве драматурга представления о соотношении воли Бога/Провидения, человеческой воли и явлений природного мира как факторов судьбы (С₂) человечества, народа, семьи и отдельной личности.

Хотя провиденциализм связан в европейской культуре не только с христианской доктриной, но и с целой совокупностью античных учений²⁰, едва ли можно провести грань в произведениях Шекспира и его современников между собственно христианским и «нехристианским» провиденциализмом. Вера героев в то, что сверхъестественная сила, правящая всем мирозданием, является благой, что эта сила могущественнее установленных ею природных законов и что она принимает участие в судьбе каждого отдельного человека, не подчиняя себе, однако, его волю, ассоциируется именно с христианским учением, даже если действие произведения происходит в языческом мире, как в трагедии «Король Лир»²¹.

Согласно концепции христианского провиденциализма, которая находит отражение в пьесах Шекспира, человеческая судьба зависит одновременно от воли Бога и воли самого человека. Бог, во-первых, устанавливает законы, которым подчиняются природа и небесные светила, влияющие на человеческую жизнь. Последние оказывают воздействие и на волю человека посредством «чувственного стремления»²², причем дурного влияния можно избежать благодаря воспитанию и молитве. Во-вторых, Бог может непосредственно воздействовать на душу человека, ниспосылая ему свою благодать или, напротив, ожесточая его сердце. Человек, в свою очередь, будучи «венцом творения», призванным возделывать Божий мир, обладает некоторой властью над природой: он может привносить в нее гармонию или разлад, навлекать на нее проклятие или искупать разрушающее природный мир зло в зависимости от того, к кому

20 Walsham, Alexandra. Providence in Early Modern England. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 9.

21 Пинский Л. Е. Шекспир. Основные начала драматургии. Москва: Художественная литература, 1971. С. 335.

22 Raleigh, Walter. The History of the World // Works of Sir Walter Raleigh Now First Collected to Which are Prefixed the Lives of the Author by Oldys and Birch: 8 Vols. Vol. II - VII. Oxford: Oxford University Press, 1829.

направлена его воля – к Богу или к Дьяволу. В последнем случае Дьявол обретает власть как над человеческой душой, так и над изначально благим миром, и привнесенный в этот мир разлад отражается на судьбе человека.

На вербальном уровне к христианским взглядам на соотношение судьбы и воли в пьесах Шекспира могут отсылать даже языческие образы и упоминания языческих богов. Закон 1606 г. запрещал актерам произносить «святые имена Бога Отца, или Иисуса Христа, или Святого Духа, или Святой Троицы, которые следует произносить исключительно со страхом Божиим и почтением»²³. Этот запрет, с одной стороны, налагал существенные ограничения на драматурга, а с другой — заставлял его в ряде случаев прибегать к различным средствам иносказания, использовать сложную систему аллюзий на библейский текст, а порой — «маскировать» библейское представление о Боге при помощи античных образов.

Одна из основных особенностей интерпретации судьбы отдельной личности с позиций христианского провиденциализма, прослеживаемая в репликах многих шекспировских героев, состоит в том, что судьба человека (C_2), согласно этим представлениям, не ограничивается событиями его земной жизни, так как, с одной стороны, она включена в единое полотно истории семьи, народа, человечества, всего мироздания, а с другой – выходит далеко за рамки земного бытия, включает в себя судьбу души после смерти. Обе перспективы, которые задаются таким образом христианским взглядом на судьбу отдельного человека, соединяются в свете эсхатологических представлений, к которым в произведениях Шекспира отсылают многочисленные апокалиптические образы.

Ортодоксальное христианство представляет путь человека и Бога навстречу друг другу как действие поистине драматическое. Характер участия в этом обоюдном движении Божественного Провидения отражается в литературе и иконографии эпохи посредством целой совокупности метафорических и символических образов, связанных с представлениями об всеведении (например,

23 Clare, Janet. 'Art Made Tongue-Tied by Authority': Elizabethan and Jacobean Dramatic Censorship. Manchester: Manchester University Press, 1990. P. 124.

образ всевидящего Ока) и всемогуществе (например, образ длани Господней) христианского Бога²⁴.

Раздел 2.2 («Фаталистические концепции эпохи Возрождения и характер их отражения в драматургии Шекспира») посвящен рассмотрению основных фаталистических концепций судьбы и воли, актуализируемых в пьесах Шекспира. Мироззрение, в основе которого лежит «представление о неотвратимой предопределенности событий в мире»²⁵, исключает как случайность, так и способность человека самостоятельно влиять на ход событий. В данном разделе последовательно рассматриваются следующие разновидности фаталистических представлений:

1. Мифологический фатализм сам по себе является весьма неоднородным. При анализе шекспировских произведений следует иметь в виду по меньшей мере три его разновидности. Их различает представление о том, кто обладает всей полнотой власти над человеческой судьбой – сверхъестественные личности вроде Парок, безличная иррациональная сила, называемая Роком, или Фортуна и прочие языческие боги.

А. В первом случае судьбу человека решают боги, как осуществляя непосредственное влияние на ход событий, так и действуя опосредованно – через волю человека. Последнему остается лишь пытаться умиловить богов своими мольбами и обещаниями, которые, впрочем, обычно не имеют никакого действия.

В. Восприятие человеком собственной судьбы является несколько иным, если последняя представляется подчиненной некой безличной силе (Рок), абсолютно безразличной к человеку, но всецело определяющей его жизнь.

С. Третья разновидность мифологического фатализма может быть связана в шекспировских произведениях с образом Фортуны, чье непрестанно вращающееся колесо в ряде контекстов символизирует независимый от человека круговорот удачи и неудачи, побед и поражений в жизни.

24 Walsham, Alexandra. Op. cit. Pp. 9-10.

25 Аверинцев С. С. Фатализм // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 713.

2. Второй тип фатализма, который также находит отражение (хотя значительно реже) в словах шекспировских героев, связан с представлением о **рациональном и естественном принципе**, действию которого полностью подчинен весь материальный мир. К последнему в рамках данной системы представлений относится и сам человек с его чувствами, желаниями и мыслями.

3. Теологический фатализм связан с тем пониманием идеи Божественного предопределения, которого придерживались радикально настроенные протестанты. Согласно их взглядам, человек изначально предопределен Богом либо к гибели, либо ко спасению. В первом случае он не имеет возможности спастись, так как его воля вследствие первородного греха всецело порабощена Дьяволом. Во втором – он не может пасть так низко, чтобы противостоять действию божественной благодати, ниспосылаемой ему для его спасения²⁶.

Кратко рассмотрев особенности отражения перечисленных разновидностей фатализма в некоторых пьесах Шекспира («Сон в летнюю ночь», «Ромео и Джульетта», «Макбет»), мы приходим к следующему выводу: несмотря на свою психологическую убедительность, фаталистические представления и производные от них интерпретации действительности часто обнаруживают свою иллюзорность и несостоятельность в шекспировских произведениях.

В заключении раздела приводится таблица, в которой устанавливается соответствие между разными типами фаталистических представлений и лексическими средствами, которые регулярно участвуют в их выражении в творчестве Шекспира.

В разделе 2.3 («Случайность и воля как главные факторы судьбы (макиавеллизм). Отражение данной концепции в пьесах Шекспира») рассматривается совокупность представлений о судьбе и воле, ассоциирующихся у современников Шекспира с личностью и взглядами Никколо Макиавелли. Данные представления, в отличие от провиденциалистских и большинства фаталистических, лишены прочного онтологического фундамента. В своем трактате «Государь» Макиавелли рассматривает вопрос о том, в какой мере

26 Walsham, Alexandra. Op. cit. P. 9.

судьба человека зависит от его воли, вне контекста представлений о каких-либо сверхъестественных силах, о характере проявления высшей воли в мироздании, об универсальных законах бытия. Этот вопрос сужается в итоге до проблемы соотношения человеческой воли и судьбы, понимаемой как совокупность обстоятельств, случайных и закономерных. Сама эта постановка вопроса глубоко чужда многим современникам Шекспира, унаследовавшим от эпохи средневековья «августинианский» образ мира, в котором все сущее взаимосвязано на синхронном и диахронном уровнях²⁷, где и внешние обстоятельства жизни, и внутренние движения воли представляются связанными с событиями библейской истории, с процессами, происходящими в природе и космосе, в области естественного и сверхъестественного.

Если в концепциях фатализма и провиденциализма случайность не рассматривается как существенный фактор судьбы или вовсе исключается, то в системе представлений Макиавелли и его единомышленников, ей, напротив, отводится важное место. Случайность осмысливается здесь как сила, вмешивающаяся в планы человека, вынуждающая его отказываться от прежних намерений, принципов, клятв, меняться сообразно с переменами жизненных обстоятельств. Умение приспособливаться к таким изменениям и создавать искусственную необходимость является непременной составляющей одного из важнейших для итальянского философа качеств – доблести (*virtú*). Только доблесть, понимаемая в таком ключе, и позволяет человеку противостоять козням Фортуны, выстраивать события своей жизни в соответствии с собственными желаниями. Таким образом, согласно этой системе взглядов, судьба человека зависит наполовину от внешних изменчивых обстоятельств, а наполовину от него самого.

Данные представления о судьбе и воле, как правило, неразрывно связаны в сознании шекспировских героев с идеей относительности добра и зла, а также

27 Микеладзе Н. Э. Шекспир и Макиавелли: тема «макиавеллизма» в шекспировской драме. М.: ВК, 2005. С. 103. Подробнее о полемике Шекспира с Макиавелли по вопросам судьбы и человеческой природы: с. 461-465.

целого ряда основополагающих категорий, что предопределяет безнравственный характер их поступков.

В **Разделе 2.5** («Совокупность представлений о судьбе и воле и способов их репрезентации в пьесах Шекспира как структура») выдвигается гипотеза, согласно которой весь спектр рассмотренных в предыдущих разделах взглядов на соотношение судьбы и воли определенным образом структурирован в сознании человека шекспировской эпохи. Хотя нередко в произведениях современников драматурга имеет место эклектическое совмещение разнородных и противоречащих друг другу взглядов на судьбу, в пьесах Шекспира они, напротив, в более или менее явной форме противопоставляются друг другу, что бывает непросто увидеть современному читателю из-за многозначности слов с семантикой судьбы, способности одного и того же слова ('Fortune') участвовать в выражении различных, порой взаимоисключающих взглядов на соотношение судьбы и воли. В связи с этим особое внимание уделяется лексическим единицам, образующим семантическое поле судьбы: представляется необходимым установить соответствие между ключевыми типами представлений о судьбе и воле, отраженными в пьесах, и словами, которые используются драматургом для их выражения.

Каждая из последующих глав – **Третья, Четвертая и Пятая** – посвящена анализу одной из шекспировских пьес – трагедий «Ромео и Джульетта» и «Макбет» и поздней трагикомедии «Буря».

В **Главе III** («Проблема судьбы и воли в трагедии “Ромео и Джульетта”») большое внимание уделяется систематизации различий, связанных с выражением представлений о судьбе и воле, между шекспировской пьесой и двумя ее источниками – поэмой А. Брука «Трагическая история Ромеуса и Джульетты» (1562 г.) и новеллой У. Пэйнтера «Ромео и Джульетта» (1567 г.).

В **Разделе 3.1** приводятся сведения об источниках шекспировской трагедии и излагаются основные принципы и цели последующего сопоставительного анализа.

В Разделе 3.2 («Сопоставительный анализ соответствующих эпизодов пьесы Шекспира и ее источников») последовательно рассматриваются основные вехи сюжета пьесы в сопоставлении с соответствующими эпизодами поэмы Брука и новеллы Пэйнтера. Анализируя суждения о судьбе и воле, которыми изобилуют все три произведения, высказывания, содержащие интерпретацию событий в свете их возможных причин и целей, выявляя особенности использования слов с семантикой судьбы, мы показываем, что Шекспир сталкивает и отчетливым образом противопоставляет в своей пьесе разные концепции судьбы и воли (в первую очередь, фатализм и провиденциализм), в отличие от его предшественников, в произведениях которых имеет место эклектическое совмещение элементов противоречащих друг другу систем представлений и соответствующих им «языков судьбы».

Раздел 3.3 («Поиск верной интерпретации и объективного смысла как проблема в пьесе») посвящен анализу суждений героев трагедии о словах, мотивам чтения, зрения, создания текста, переименования и их роли в постановке и решении проблемы судьбы и воли в пьесе. Данная проблема связывается драматургом с проблемой интерпретации благодаря метафорическому соотнесению попыток героев понять смысл происходящего с процессом чтения, их стремления наполнить происходящее угодным им смыслом – с процессом создания текста, их желания изменить свою судьбу – с отказом от использования существующих имен и названий и повторным называнием предметов и явлений окружающей действительности. Судьба героев в их собственном восприятии образует текст, и в условиях множественности «языков судьбы» и соответствующих им интерпретационных парадигм, актуализируемых в пьесе, драматург остро ставит перед зрителем вопрос поиска объективного смысла, «истинной причины» (“true ground”) происходящих в произведении трагических событий.

В Главе IV («Проблема судьбы и воли в трагедии “Макбет”») мы показываем, что в трагедии «Макбет» система представлений, основанная на вере в Божественное провидение, противостоит, с одной стороны, фаталистическим

концепциям, а с другой – той системе взглядов на судьбу и волю, которую мы характеризуем с некоторой долей условности как составляющую «макиавеллизма». Отчетливое противопоставление этих трех систем представлений на разных уровнях организации пьесы предопределяет структуру данной главы. Анализ трагедии строится на последовательном выявлении отраженной в пьесе системы оппозиций между:

- 1) верой в Божественное провидение и обусловленной ею совокупностью представлений, с одной стороны, и взглядами, ассоциирующимися с учением Макиавелли, с другой (**Раздел 4.1** «"Макиавеллизм" и провиденциализм»);
- 2) провиденциализмом и фаталистическими концепциями судьбы и воли (**Раздел 4.2** «Фатализм и христианство»).

В **Подразделе 4.2.1** («Образ ведьм и проблема предсказания») делаются следующие наблюдения: образы ведьм сохраняют свою загадочность на протяжении всей пьесы, что является составляющей замысла драматурга. В рамках христианской парадигмы в связи с их образами в пьесе ставится проблема убедительности иллюзий, используемых Дьяволом, чтобы погубить человека. В рамках фаталистических концепций эти фантастические героини рассматриваются как посредники Рока, осуществления которого невозможно избежать. Выбор между двумя интерпретациями во многом определяет судьбу героев, так как влечет за собой выбор одной из противоположных линий поведения (Банко и Макбет, Макдуф и Макбет). Стоит отметить, что комплекс представлений Макбета о судьбе тяготеет, скорее, к «макиавеллизму», чем к фатализму (хотя некоторые элементы последней концепции также находят отражение в его репликах). Однако явившихся ему ведьм он воспринимает как посредников Рока, тем самым совершая ошибку, имеющую трагические последствия. Проблема неверной интерпретации предсказаний знакома античной мысли и может даже лежать в основе трагедий («Царь Эдип»), однако идея, согласно которой предсказание может сознательно использоваться в целях обмана, чужда античным произведениям, но органична христианской культуре.

В Подразделе 4.2.2 («Природа дихотомии космоса и хаоса и ее отражение в трагедии») приводится анализ нескольких эпизодов пьесы в контексте библейских образов и событий, аллюзии на которые в них содержатся. Античные представления о «круговороте» хаоса и космоса словно соперничают в творчестве Шекспира с теми принципами осмысления судьбы человека, государства, всего мироздания, которые были сформированы христианским учением и особенностями его преломления в религиозной и культурной жизни эпохи. Именно последние, на наш взгляд, играют структурообразующую роль в трагедии «Макбет» и в той или иной мере, по-видимому, в других трагедиях и трагикомедиях Шекспира (данная проблема могла бы стать предметом отдельного литературоведческого исследования). Переходы от космоса к хаосу и в обратном направлении воспринимаются в таком случае не как составляющие вечного круговорота (ассоциирующегося также с образом колеса Фортуны), в который вовлечен универсум, а как элементы целенаправленного исторического процесса, соотносящиеся на основе подобия с переломными моментами Священной истории, такими как грехопадение, крестная жертва и воскресение Христа, сошествие Христа во ад, конец времен, Страшный Суд и Новое творение. Последние, будучи актуализированы в сознании зрителя посредством вербальных, визуальных и даже акустических ассоциаций, задают один из важнейших контекстов осмысления событий и судьбы героев пьесы.

Изложенные в данной главе наблюдения позволяют нам сделать следующий вывод: три отраженные в творчестве Шекспира системы представлений о судьбе и воле сталкиваются и противопоставляются в трагедии «Макбет» на уровне композиции, системы персонажей, сквозных образов и мотивов, а также совокупности использованных в пьесе прецедентных феноменов. При этом христианские представления о судьбе и воле, в том числе в их историческом и эсхатологическом аспектах, отражены в пьесе на значительно более глубоком уровне, чем две другие мировоззренческие системы, и задают модель целостного восприятия и интерпретации действия пьесы.

Структура **Главы V** («Проблема судьбы и воли в поздней трагикомедии Шекспира “Буря”») предопределена особенностями сюжета пьесы, обладающего отчетливым аналогическим измерением.

В **Разделе 5.1** («Особенности фабулы и сюжета пьесы, системы персонажей и образа Просперо, способствующие актуализации проблемы судьбы и воли») мы показываем, что остров, на котором разворачивается действие, может восприниматься, благодаря системе аллюзий и целой совокупности прецедентных феноменов, как модель мира, в результате чего на действие пьесы проецируются различные образы мироздания, а на существующие между героями отношения власти и подчинения – представления о разных видах взаимоотношений между человеческой и высшей волей.

В **Разделе 5.2** («События, составляющие план Просперо, в глазах зрителей, самого героя и других персонажей») рассматриваются основные события, инициированные главным героем. Особое внимание уделяется моментам столкновения различных способов их восприятия и осмысления (в аспекте причины и цели) в словах разных героев, а также в образах, которые могут отсылать одновременно к нескольким взаимоисключающим концепциям судьбы и воли.

Подробный анализ нескольких ключевых эпизодов пьесы приводит нас к следующему выводу: ничем не связанные между собой действия персонажей пьесы, предпринятые ими по собственной воле, складываются в единую последовательность событий таким образом, что в них осуществляется замысел Просперо. Сам Просперо видит в событиях, происходящих на острове, средство достижения своей цели, последовательное воплощение собственного плана, на каждом этапе которого он посредством своего слуги Ариэля ограничивает разрушительное действие зла и стремится различными способами пробудить в других персонажах волю к добру. Между тем остальные герои воспринимают те же события вне их взаимосвязи и потому видят в них лишь прихоти своевольной судьбы. Так, благодаря аналогии между фигурой Просперо и библейским образом Бога, в пьесе актуализируется представление о существовании глубинного

различия между видением происходящих на земле событий человеком, с одной стороны, и Богом — с другой, между намерениями человека и целостным планом Бога о человеке и человечестве²⁸.

В Разделе 5.3 («События, неподконтрольные Просперо, в восприятии разных героев») рассматриваются события пьесы, предшествующие прибытию главного героя на остров, а также противопоставленные друг другу интерпретации, которые получают эти события в словах самого волшебника и его брата – Антонио. Для обоих героев обращение к прошлому непосредственно связано с мыслью о настоящем и о тех универсальных законах, действующих в человеческой судьбе, которыми следует руководствоваться в своих дальнейших поступках. Благодаря метафоре прошлого как пролога в речи обоих героев отражается осмысление судьбы как текста, у которого есть автор, которому присущи связность и смысл, в создании и прочтении которого человек должен сам принимать деятельное участие. Для Просперо главный автор этого текста – Провидение; обращение к прошлому, пристальное наблюдение за настоящим и проникновение в будущее позволяют ему исследовать объективный смысл происходящего и на основе достигнутого понимания принять правильные решения, способствующие восстановлению порядка и гармонии. Иной тип отношения к судьбе проявляется в словах и поступках Антонио – героя «макиавеллиевского» типа. События жизни осмысляются героем как направленные к осуществлению его собственного намерения и лишь в свете последнего обретающие смысл. Так как он осознает себя автором собственной судьбы, он сам ставит цель, а не пытается определить ее, сам вкладывает в произошедшее выгодные для себя смыслы, а не стремится постичь смысл, заложенный в них какой-либо высшей волей.

В Разделе 5.4 («Разные типы отношений власти и подчинения в пьесе, их соотношение с библейскими и мифологическими архетипами») анализируются элементы сюжета пьесы, в которых ставятся проблемы воспитания, а также

28 Middleton Murry, John. Shakespeare's Dream // Palmer D. J. Shakespeare 'The Tempest'. London: Macmillan, 1968. P. 111.

власти и подчинения. Последние связаны в пьесе с проблемой судьбы и воли благодаря укорененной в сознании человека шекспировской эпохи привычке рассматривать отношения между господином и слугами, родителями и детьми как проекцию отношений между высшей силой и человеком. Власть господина над подчиненным неизбежно связана с ограничением свободы воли последнего, и многочисленные варианты этой ситуации связываются с различными моделями отношений высшей силы и человека, отраженными в прецедентных для шекспировского времени мифологических и религиозных текстах. Одни из этих моделей сводятся к представлению о подавлении человеческой свободы со стороны высшей воли в целях поддержания всеобщего порядка (идеи рока, естественной необходимости, а также божественного предопределения – в ряде протестантских учений), другие, напротив, к порабощению воли человека с целью разрушения мирового порядка (представление о власти Дьявола над человеком в христианстве), третьи связаны с идеей частичного ограничения свободы человека ради его воспитания, обращения его воли к добру (представление о власти Бога над человеком в христианстве).

В **Заключении** представлены в систематизированном виде выявленные в ходе работы закономерности, связанные с постановкой и решением проблемы судьбы и воли в пьесах Шекспира.

Основные результаты исследования отражены в следующих публикациях:

- 1. Шустилова Т. А. Концепты власти и подчинения в пьесе У. Шекспира «Буря» // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. №2. М., Изд-во МГОУ, 2015. С. 32-40.**
- 2. Шустилова Т. А. Суждения о звездах в пьесах У. Шекспира и трактате У. Рэли «История мира» // Вестник Омского университета. №2 (76). М., Изд-во ОмГУ, 2015. С. 209-213.**

3. Шустилова Т. А. Милость и справедливость в комедии У. Шекспира «Мера за меру» и поэме А.С. Пушкина «Анджело» // Знание. Понимание. Умение. №2. М., Изд-во МосГУ, 2015. С. 231-238.
4. Шустилова Т. А. «Буря» У. Шекспира и Книга пророка Исаии // Материалы XIX международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2012». Секция «Филология». М., 2012.
5. Шустилова Т. А. Апокалиптические мотивы в трагедиях и трагикомедиях У. Шекспира // Материалы XX международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2013». Секция «Филология». М., 2013.
6. Шустилова Т. А. Проблема судьбы и воли в трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта» // Материалы XXI международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2014». Секция «Филология». М., 2014.
7. Шустилова Т. А. Репрезентация концепта судьбы в пьесе У. Шекспира «Буря» // Формирование культурной и языковой компетентности в процессе изучения иностранного языка. Интернет и изучение иностранного языка. Сборник материалов международной научной конференции 26-27 сентября 2014 г., Москва. М., ИИУ МГОУ, 2014. С. 247-249.
8. Шустилова Т. А. Милость и справедливость в комедии У. Шекспира «Мера за меру» и поэме А. С. Пушкина «Анджело» // Сборник аннотаций докладов Международной научной конференции «XXV Шекспировские чтения 2014: Шекспир в русско-английском культурном диалоге». М., Изд-во МосГУ, 2014. С. 34-36.